

Работы победителя и лауреатов XI Международного литературного тютчевского конкурса «Мыслящий тростник»

Номинация «Философское эссе»

Князев Михаил Александрович

ЧУВСТВО СОЛНЦА Ф.И.ТЮТЧЕВ И А.Л.ЧИЖЕВСКИЙ

150-летию со дня смерти Ф.И Тютчева посвящается

«Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...» («Колумб», 1844)

...И падали красно-желтые листья. Падали с трех кленов на черный камень могилы. Было светло от опаленных осенью листьев, от обнажающейся голубизны неба, от ясного полдневного Солнца...

«В ту минуту, когда я пишу это, светит самое лучезарное солнце. Небо мглисто-голубое, прелестное. Это как бы летний день, затерявшийся в октябре. Мне хочется думать, что тот же самый свет заливает в настоящую минуту Овстуг, золотя увядшие листья на деревьях и блестящую грязь тропинок.

Ничто так кротко и утишительно не соединяет живых, как свет. Древние хорошо это понимали; недаром они всегда говорят о свете с умилением...»

Писано это 8 октября 1867 года в Петербурге жене своей Федором Ивановичем Тютчевым.

Истинный свет яркого летнего полдня, и ложный свет лунной ночи, и даже посмертный свет ясного осеннего дня на Новодевичьем кладбище в Петербурге 8 октября 1998 года – это все свет Солнца, что роднит двух русских гениев Тютчева и Чижевского.

Александр Леонидович Чижевский, великий русский ученый и уникальный поэт, прекрасно знал творчество Тютчева. Недаром в своей работе 1922 г. «Физические факторы исторического процесса» он относит «величайших поэтов» Гете и Тютчева к мыслителям, которые обладали знанием о проявлениях человека как реакции «на раздражения многообразными агентами внешнего мира» из способности этих поэтов «тонко чувствовать строй природы и непосредственно понимать мир, как нераздельно-целое», приводя строфу из стихотворения Тютчева 1865 г. «Певучесть есть в морских волнах...»:

«Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе;
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем»

Откровения Тютчева на все времена являются тем воистину волшебным настоящим, который, овладевая душами незаурядных, ищущих личностей, располагают видеть одновременно мир в сложном измерении и ясные вселенские связи в этом мире, которые облекаются в законы миропонимания.

Вот Тютчев и Чижевский почти вторят друг другу:

«Все во мне и я во всем!...»

(Тютчев, «Тени сизые смешались...», 1830),

«И так была доступна тайна,

Что я весь мир в себе несу»

(Чижевский, «О беспредельном этом мире...», 1917)

Каждый человек может вспомнить : в определенные дни, месяцы, год хорошо работает, а в иные наступает апатия. Порою человека что-то безотчетно тревожит, а иногда наступает некая приподнятость, охватывает жажда жизни.

Вот почему ценны для нас строки Тютчева, выражающие «невыразимое».

Перед нами поэтический ряд одного эмоционального настроения:

«Час тоски невыразимой!...»

(«Тени сизые смешались...», 1835)

«Не плоть, а дух а дух растлился в наши дни,

И человек отчаянно тоскует...»

(«Наш век», 1851)

Этим же настроением пронизаны письма следующих лет:

«...Я чувствую себя как бы на самом дне бездны...»

(31 августа 1846)

«...Никогда я не чувствовал себя таким несчастным –
и это посреди всего блеска, всего великолепия неба
и летней поры»

(27 июля 1854)

«...Тишина, господствующая в стране, ничуть меня
не успокаивает...»

(5 июня 1858)

«...Я ощущаю те же сумерки во в сем моем существе...»

(12 января 1866)

«Бездна», «несчастье», «тоска», «оцепенение», «сумерки» - это слова одного порядка, обобщаемые выражением – эмоциональный упадок. Естественно, на общую атмосферу безотчетного уныния могли наложиться вполне конкретные переживания из-за потерь родных и близких, столкновений на службе, драматических событий внутрироссийских и зарубежных. Но эти переживания лишь усиливают общую картину эмоционального упадка определенных лет жизни.

Теперь проследим за эмоциональным настроем противоположного характера, даже если он сопряжен с воображаемым погружением в мифические пространства, с жадой осмысления драмы обновления в природе и обществе:

«И мне казалось , что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый в царство теней»
(«Еще шумел веселый день...», 1830)

«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!»
(«Цицерон», 1830)
«О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!»
(«Рассвет», 1849)

«Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса»
(А.В.Плетневой», 1870)
«Впросонках слышу я – и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье»
(1871)

Тот же настрой звучит в строках письма 1869 года:

«...Да, весна – единственная революция на этом
свете, достойная быть принятой всерьез,
единственная, которая по крайней мере, всегда
имеет успех»

Умиротворением, успокоением, сочетанием «свиста полозьев» с «щебетаньем ласточки», вообще тоном надежды озвучены в стихах и прозе конкретные годы жизни Поэта, которые обобщенно можно назвать годами эмоционального подъема.

Пришла пора напомнить, что А.Л.Чижевский уже в 20 веке, в 1918-1924 годах, устанавливает зависимость человеческого поведения от циклов солнечной активности, причем именно в периоды самой сильной работы Солнца, то есть, в среднем, примерно каждые 11, 5 лет, и происходят известные в истории революции, войны, бунты, эпидемии болезней, психических расстройств и тому подобные явления.

Так вот ряд лет эмоционального упадка у Тютчева соответствуют годам солнечной пассивности. И в противоположность – годы чувственного подъема Поэта относятся к периодам солнечных максимумов.

Наверняка Тютчев не интересовался астрономическими наблюдениями за нашим светилом. Слишком далека была эта область знаний от интересов

Федора Ивановича. Мы говорим не о прямом понимании космогонических проблем Тютчевым, но о чувстве Солнца, слитности Человека и Вселенной, которым сполна обладал Поэт.

В ряду творческой активности Тютчева необходимо выделить 1830 год – период поистине необыкновенного поэтического взрыва. Если Тютчев писал в среднем чуть более 5-ти произведений в год, а в лета солнечной активности около 8-ми, то на 1830 год выпадает 30 стихотворений! И каких – «Сны», «Последний катаклизм», «Безумие», «Странник», «Успокоение», «Цицерон», «Молчание», «Сон на море» - все они пронизаны глубочайшими раздумьями о месте и предназначении Человека в Мироздании. А с учетом стихов «Бессоница» (1829) и «О чем ты воешь, ветр ночной?» (начало 1830-х г.г) трехлетие 1829-1831 года можно назвать годами воистину философско-поэтического экстаза Тютчева. В связи с этим, мы знаем, и у А.С.Пушкина в 1830 году была знаменитая «болдинская осень», когда он создал более 50 произведений разного жанра при написании в среднем около 20 в год, не считая писем.

Конечно, Тютчев и в годы эмоциональных спадов поднимался над рутинной жизни. Такие шедевры, как «Не то, что мните вы, природа...» (1836), «Колумб» (1844), «О вещая душа моя...» (1855), «Умом Россию не понять...» (1866), были созданы в эти годы.

Способность вселенского обобщения была органически присуща Тютчеву, который так охарактеризовал свой дар: «...И вот именно вследствие этого присущего моему уму свойства охватывать борьбу во всем ее исполинском объеме и развитии, я бываю подчас менее чувствителен к неудачам и бедствиям настоящего момента...» (письмо от 9 сентября 1855 года). Эти слова в полной мере можно отнести и к Чижевскому.

Тютчев своим поэтическим чутьем то, что будет открыто Вернадским, Циолковским, другими учеными и мыслителями спустя век и более. Причем зримо, будто Поэт сам вознесся в околоземное пространство и вещает нам об увиденном:

«И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены»
(«Сны», 1830)

Поэт слышит в пневмосфере Павла Флоренского идеи прошлого, еще не познанные человечеством:

«Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?»

(«Как сладко дремлет сад темно-зеленый», 1835)

Основной планетарный конфликт Человек-Природа, приведенный к нынешнему, как мы теперь называем, экологическим проблемам, уже тогда волновал Тютчева, словно он обращался к нам с предупреждением об опасности эгоистической оторванности от Природы для самого Человека:

«И мы, в борьбе, природой целой,

Покинуты на нас самих...»

(«Бессонница», 1829)

«Когда пробьет последний час природы,

Состав частей разрушится земных:

Все зримое опять покроют воды,

И божий лик изобразится в них!»

(«Последний катаклизм», 1830)

В последних строках – ощущение цикличности смущения мироздания, чередования хаоса и порядка, как в стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной? (начало 1830-х годов):

«О страшных песен сих не пой

Про древний хаос, про родимый!

.....

О! Бурь заснувших не буди –

Под ними хаос шевелится!...»

Только в конце 20 века высказаны гипотезы, в том числе, в связи с научным направлением, именуемом синергетикой, что в основе самоорганизации материи лежит хаос, являющийся первопричиной обновления мира, которое всегда трагично.

Чувство Солнца - это не единственное, что роднит Тютчева и Чижевского. Они были не только гениальными провидцами, но и великими гражданами России. Тютчев, живший 20 лет по служебным обязанностям за границей, все-таки вырвался, пренебрегая карьерой, на Родину, чтобы дышать воздухом полей лесов Овстуга, дождями и туманами Петербурга. Чижевский, проведший более 20 лет в тюрьмах и лагерях за свои научные убеждения и в связи со своим пассионарным характером, остался верным своему народу, который его фактически плохо знал долгие годы. Даже в заключении занимался лабораторными исследованиями и живописью, писал стихи.

Тютчев и Чижевский, плоть от плоти, были русскими людьми, одержимыми в идеях и чувствах, любившими жизнь и Родину, жизнь во всех ее проявлениях. Чижевский, открывая свои законы, планировал, что знания этих законов облегчат существование людям, а поэтому многие годы посвятил оздоровлению среды обитания своих соотечественников. Тютчев помогал издателям и литераторам, расширяя цензурные «окна», чтобы вольнее дышалось русскому обществу.

Поэт и Ученый дали нам новые знания жизни и мироздания. И если мы в своем невежестве или эгоизме не пользуемся этими открытиями, это не наша вина, а наша беда. Воистину евангельским состраданием к людям звучат тютчевские строки:

«Нам не дано предугадать,

Как слово наше отзовется, -

И нам сочувствие дается,

Как нам дается благодать...»

...И падали красно-желтые листья на могилу Поэта, как падали они на могилу ученого. Листья распадутся, чтобы обрести новую жизнь в новых созданиях света Солнца. Света, что породнил Поэта и Ученого.

Я болен хворью брянского Пророка –
Вдыхаю жизнь вселенскою душой.
Сужу людей сочувственно и строго,
Меня пусть судят мерою такой.
И целый мир – Овстугова усадьба,
Стихами пахнут липы и трава,
И праздник вдохновенья слаще свадьбы,
И мыслями теснится голова.
Блистают звезды сквозь горячий полдень,
Пылает солнце ледяною мглой.
И день, и ночь страстями душу полнят,
И нет страшной борьбы с самим собой.
Любимых женщин промелькнули лики,
И смольнинской наставницы анфас.
И предвещают бурю птичьи крики,
И бури сердца не минуют нас.
Ушли друзья, любимые ушли
Туда, откуда, знаем, нет возврата.
Его черед настанет в твердь земли
Уйти от мук бесчисленных, как отрада.
Сжигает землю яростный закат,
И с солнцем породнилось звезд стечение,
Как в бездне той, в которой рай и ад
Сливаются в слепом совокупленье.
В той бездне, где он мыслью и душой
Бывал, печалась долей человеческой.
Лежит Пророк над царственной Невой
И царственно молчит о тайнах вечных.
апрель 2011г.

Анна Зенцова

ПЕРЕКЛИЧКА КУЛЬТУР: ФЁДОР ТЮТЧЕВ И ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

Эссе

В «многоводном» потоке русской литературы XIX века, щедро одарившей человечество бесценными духовными сокровищами, особое место занимает творчество Фёдора Ивановича Тютчева. Поэт принадлежит к наиболее глубоким представителям отечественной культуры, которых вдохновляла в первую очередь «тайна человека». Его называют поэтом мысли, автором философской лирики. Ювелирно-гранёные строки Тютчева, отражая космос духа, мистический, тотально жизнью наполненный космос, врезаются во всякую данность так, будто время не играет особенной роли: ибо, природа вечна, и сущность человека остаётся неизменной, сколь бы ни менялся исторический антураж... Поэзия Тютчева: внутренняя её тишина, мысль, растящая кристаллы духа... Эмоция радости от созерцания природы, наполненной творящей энергией:

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом...

Восторг также наполняет душу, когда читаешь знаменитую оду Фридриха Шиллера «К радости»:

Радость, пламя неземное,
Райский дух, слетевший к нам,
Опьяненные тобою,
Мы вошли в твой светлый храм.

Перекликаются в созерцании радости оба поэта – Тютчев и Шиллер, – будучи такими непохожими, хотя оба были философами, рождая глубокие чувства в душах, требующих духовной влаги стихов. Тютчев входил в немецкую культуру, как в свою, и та, обогащая его, давала новые ответвления мысли поэта и обретала новые смыслы. Поэтический талант Тютчева достиг полного расцвета в «немецких Афинах», в годы его дипломатической службы в Мюнхене, причем не без воздействия немецкой романтической литературы и философии. От немецких романтиков и от Тютчева берут свое начало в русской поэзии синтетический метод и фрагментарный стиль, формы поэтической мифологии, поэтизированных философов, фрагментов, афоризмов. Тютчев также переводил на русский язык немецких поэтов: Гейне, Гёте и Шиллера. Влияние последнего Тютчев испытывал на протяжении всей

его жизни: можно отметить переклички стихотворения «Фонтан» с прозаическим отрывком Шиллера «Der Geisterscher» («Созерцатель духов») и стихотворения «Колумб». Тютчев мог также вдохновляться космизмом шиллеровских пейзажей – мотивом полёта через Вселенную в оде немецкого поэта «Беспредельность».

Переводы составляют далеко не основную, но в то же время существенную часть в творчестве русского поэта. Шиллер по числу переводов (их 5) занимает третье место у Тютчева после Гёте (15 стихотворений) и Гейне (8). Первые переводы Тютчева из Шиллера появились в начале 1820-х годов («Гектор и Андромаха» и ода «К радости»), остальные – в начале 1850-х годов («Поминки», «С озера веет прохлада и нега...» и «С временщиком фортуна в споре»). Все они объединяются драматическим началом, характерным для обоих поэтов. Но суть этого драматизма у этих авторов различна. Тютчев приспосабливает шиллеровский текст к выражению совсем иной системы мировоззрения.

Для адекватного восприятия произведений Тютчева необходимо иметь представление о целостном горизонте и контексте его мысли. В тютчевской поэзии есть определённые непроходящие философские темы, которые здесь будут рассмотрены. Выявление взаимоотношений между «вечным» и «временным» уровнями его творчества – сложная задача. «Тютчеву, – подчёркивал Д. С. Мережковский, – достаточно нескольких строк: солнечные системы, туманные пятна «Войны и мира», «Братьев Карамазовых» сжимает он в один кристалл, в один алмаз. Вот почему критика так беспомощно бьётся над ним. Этот орешек не так-то легко раскусить: глаз видит, а зуб неймёт». Для понимания творчества Тютчева необходимо осмыслить принципиальные «кристаллы» его мировоззрения, как бы растворённые в его произведениях, и главные философско-тематические мотивы в его творчестве.

Тема № 1. Природа как тайна («сфинкс»). Неразрывная связь человека с природой, с окружающим миром.

В лирике Тютчева Вселенная неразрывно связана с человеческим родом. Поэт воспринимает мир как явление, которому присуща целостность и таинственность. В бытие природы, по мнению автора, заключена великая загадка, которую, по крайней мере пока, не может разрешить человек: «Природа – сфинкс». Бабочка тайны бытия в этом определении поймана метафорическим сачком мысли...

Хотя человек есть неотъемлемая часть природы, взаимоотношения человека и природы сложны: подлинное бытие имеет лишь природа, а не человек. Такой взгляд на природу, которая жива сама по себе, одушевлена

сама по себе, приводит к излюбленному у поэта приёму её описания, когда она показана в переходные моменты её жизни. Это хорошо видно при изображении поэтом времён года (например, стихи «Весенние воды», «Зима недаром злится..» и др.). Природа у Тютчева – чувствующее и мыслящее существо, способное не только рождаться и умирать, но и переживать, говорить, кричать, негодовать и смеяться. Она обладает «колдовской силой», полнотой бытия и постоянно обновляется – всегда у Тютчева «мир, цветущий мир природы, избытком жизни упоён» (стихотворение «Сияет солнце, воды блещут...»). А вот пример другого произведения поэта – стихотворение «Не то, что мните вы, природа». Сначала кажется, что это обычное произведение, в котором описан пейзаж. Но потом понимаешь, что здесь природа по мнению автора не только живописна, но и одушевлена – она живёт и чувствует. Поэт признаёт, что природа «не слепок» и «не бездушный лик», «в ней есть душа», «в ней есть язык». Выступая как символ и образ вечности, природа манит поэта не только своей загадочностью, но и всеобщностью. Так, в стихе «В небе тают облака...» он пишет: «Пройдут века – так же будут, в вечном строе, течь и искриться река и поля дышать на зное». В отдельные моменты природа кажется ему стихией, сочувствующей человеку, а иногда – враждебной, но чаще всего – глубоко безучастной. Человек представляется поэту неотъемлемой частью природы, он как будто «вписан» в неё, растворён в ней, вбирает её в себя. Например, в стихотворении «Вчера в мечтах обворожённых...» поэт прослеживает смену вечера ночью, а ночи – ранним утром. Но в центре всех этих явлений оказывается женщина, красоту и молодость которой описывает автор. И становится ясно, что вся её жизнь, весь ритм её жизни – сон и бодрствование – определяются законами природы и её циклами.

Страстная любовь к жизни и постоянно мучившая тревога, вызванная трагическим восприятием действительности и мыслью о краткости пребывания человека на Земле, – вот что заставляло поэта внимательно всматриваться в природу, искать у неё ответы на волновавшие его вопросы. Несомненно, что философскую основу мировоззрения Тютчева составляет особое отношение к природе. В другом произведении поэта – «Душа хотела б быть звездой...» – человек жаждет раствориться в природе, слиться с ней, стать её частью, стать звездой на дневном небе. Но при попытках обретения Нирваны с природой оказывается, что в ней нет светлого единства, что в глубине мирового строя шевелится «хаос», что в избытке жизни таится смерть. По Тютчеву есть только один выход из этой коллизии – отказ от абсурдной идеи автономии природы, признание Творца и зависимости природы от Бога-Вседержителя. Природа оказывается не независимой стихией, а сотворённым,

зависимым от Воли Бога бытием. Итак, природа входит в поэзию Тютчева как основной объект художественного переживания.

Тема № 2. Тьма, хаос, бездна, космическое пространство и время.

Размышляя об окружающем мире, поэт часто обращается к теме времени, смены дня и ночи. Он убеждён, что поток времени бежит неумолимо, и время живое, как и природа! Тютчевские пейзажи открыты не столько в пространство, как у Фета, сколько во время – прошлое, настоящее и будущее. Поэт много думает о прошлом и настоящем, о памяти, которая соединяет эти категории времени – от «сотворения мира» до наших дней. Вечную повторяемость природных явлений – вот что пытался увидеть, показать лирик. День он называл «блистательным покровом», «отрадным», «любезным», «другом и человека, и богов». В представлении поэта день и свет помогут исцелять больные души. Ночь обладает противоположными качествами. В философском размышлении «Сны» («Как океан объемлет шар земной...») поэт констатирует: «и мы плывём, пылающею бездной со всех сторон окружены». Он со всей определённости говорит о ночи как явлении проявления тёмных сил. И люди видят космос, «небесный свод, горящий славой звёздной», ощущают хаос и чувствуют пылающую бузду. Хотя, кажется, мы, живущие на рубеже XX-XXI веков, чувствуем это основательней и горше, чем наши предшественники...

Бесконечность, ничто, пропасть, бездна, хаос – эти понятия и образы составляют глубинный философский контекст лирики поэта, в котором на какое-то мгновение появляется, «плывёт» и исчезает «точка», «атом», «тень» человеческой жизни. По Тютчеву хаос – это одна из первооснов Вселенной; он предстаёт перед поэтом в виде непостижимой тайны и обнаруживается в бурных природных явлениях и стихиях. Например, в раннем стихотворении «О чём ты воешь, ветр ночной?..» поэт вслушивается в звуки этой стихии, стремится разгадать тайну, скрытую в хаосе, и хочет слиться со «страшными песнями» ветра. Тютчев – выдающийся мастер рисовать такие картины природы, в которых чувствуется приближение хаоса. Но как интересно поэт описывает хаос: он и «древний», и «притягательный», и «прекрасный», и «родимый». По мнению автора именно хаос является частью мироздания, на основе которого появляется всё остальное: и день, и ночь, и светлая сторона мира. Это глубокая и верная догадка Тютчева! Её истинность подтверждает современная наука. В стихе «Видение» поэт трактует ночь не только как проявление мирового хаоса, но и как «час явлений и чудес», «пророческих снов». Какие здесь сложные лабиринты: но именно они дарят мысли, парадоксы, новые толкования яви! Действительно, современная наука ввела в своё изучение категорию «хаос» как особое состояние систем и занимается

изучением законов, по которым эти системы развиваются. Причём было доказано, что из хаоса рождаются новый порядок и новые объекты, а, возможно, даже целые вселенные. Так что Тютчев был прав в своём поэтически-философском постижении природы хаоса.

Тема № 3. Человек. Душа человека. Хаос в душе человека.

Всю свою творческую жизнь Тютчева волновала «тайна человека» и жизнь его души. Взлёты и падения человеческого духа, земное и божественное в человеке, краткость его жизни, неспособность познать мир – эти и подобные вопросы составляют фундамент философской лирики поэта. Уже в раннем произведении «Всесилен я и вместе слаб...» тема двойственности человека звучит отчётливо: «Всесилен я и вместе слаб, властитель я и вместе раб...». В программном стихотворении «О, вещая душа моя!..» поэт противопоставляет душу человека, как нечто небесное, божественное, и сердце как воплощение земных страстей – поэт признаёт двойственность природы человека. Здесь душа, «жилица двух миров», «бьётся на пороге двойного бытия» – земного и небесного. В конце произведения лирик делает попытку примирить эти два начала – сердце, волнуемое страстями роковыми, и душу, которая «жаждет горних» и ступает там, где «небесных ангелов нога». В последних двух строках наступает кульминация – осознание души, как христианки: «душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть». В общей картине мироздания человек в поэзии Тютчева занимает двусмысленное положение «мыслящего тростника». Из этого определения следует, что поэт проявлял интерес к гносеологическим проблемам. Мучительная тревожность, попытки понять смысл жизни, разгадать загадки «природы-сфинкса», ощущение краткости жизни человека преследовали самого поэта и, вероятно, привели его к такому определению человека, данному ещё Паскалем.

По Тютчеву дисгармоничность присуща всему сущему, причём эта дисгармоничность неотвратимо катастрофична. Поэт показывает в своих произведениях, что душа человека отражает порядок мироздания, в ней есть и свет, и обязательный хаос, который действует разрушительно; но душа обладает и творческим потенциалом. Отсюда раздвоение человека, отсюда непобедимость зла в нём, как «наследие роковое». Что в природе является тьмой, «хаосом», то в душе человека становится «злом». Даже в высоких чувствах человека, например, в любви, открывающей смысл душевной жизни человека, есть эта демоническая и разрушающая сторона – это те страсти, которые иногда тёмным началом вторгаются даже в мир идеалов и грёз. Вот почему с точки зрения лирика, «жизнь души, сосредоточенная в любви, есть в основе своей «злая жизнь»». Стихотворение поэта «Наш век» подтверждает эту концепцию присутствия хаоса в душе человека: когда он получает свет, то

продолжает роптать и бунтовать, будучи неспособным осознать своё счастье. Автор убеждён, что все беды и проблемы современного ему человека идут от потери им веры и духовного опустошения. По Тютчеву победа личности над тёмными силами в её душе возможна только на одном пути, – если этот путь ведёт к Богу.

Тема № 4. Разлад человека с природой.

Поэт задаётся глубоким вопросом о причинах дисгармонии и разлада между природой и человеком. Эта тема в творчестве Тютчева впервые представлена в его стихотворении «Итальянская villa», в котором природа спит в безмятежном сне, а в человеке течёт «злая жизнь», разрушающая гармонию природы. Причина разлада человека с природой заключена, во-первых, в самом человеке, в том, что он погружён в «злые» страсти своей жизни и не в силах принять в себя гармоничный, «благодатный» мир природы. Иными словами, причина этой дисгармонии – это наличие того элемента хаоса, который присутствует в душе каждого человека. Поэт говорит в своей лирике: дисгармония личности с миром природы проявляется, в частности, в том, что «душа не то поёт, что море». В стихотворении поэта «Певучесть есть в морских волнах...» есть такие слова: «Лишь в нашей призрачной свободе разлад мы с нею сознаём». Другой причиной разлада между природой и личностью, по мнению поэта, является то, что у природы свои закономерности жизни, отличные от человеческих: например, природа вечна, а жизнь человека кратка. Непонимание человеком законов природы и мироздания – ещё одна причина разлада человека с миром природы. Для вдумчивого читателя эта мысль даёт надежду на некоторое преодоление разлада между природой и человеком в будущем, когда человечество приблизится к пониманию законов природы. Тютчев допускает единение человека с природой в будущем, оно представляется ему не как мгновенное состояние, а как более длительное приближение к нему.

Тема № 5. Мир вечен, а жизнь человека на Земле бrenна и временна.

Эта мысль поэта обнаруживается читателем в стихе «И гроб опущен уж в могилу...». Лирик отмечает, что во время похорон человека «спирает грудь тлетворный дух», но «небо так нетленно-чисто». Не всегда человек доживает свою жизнь до конца, так как нарушает те законы, которые устанавливает сама природа. Посвящённых этой теме произведений поэта довольно много. Например, в стихотворении «На древе человечества высоком...» поэт описывает незаурядную личность человека, который «пророчески беседовал с громом», и сравнивает его с листом на древе человечества. Но смерть сразила его, и лирик говорит о причине его смерти, сравнивая её с «поздним вихрем», который «сорвал тебя с родимого сучка». Краткость жизни человека – это

основная тема и другого стихотворения поэта – «Когда дряхлеющие силы...». В произведении «Брат, столько лет сопутствовавший мне..» поэт с горечью говорит о себе: «дни сочтены – утрат не перечесть». Тема бренности жизни человека появляется также в стихотворении «С поляны коршун поднялся...», поводом для написания которого стало наблюдение Тютчева за полётом коршуна. Для этой птицы небо – родная и привычная стихия, и она свободно парит высоко в небесах. В человеке поэт не может обнаружить подобных качеств – люди чаще всего не способны отрешиться от повседневности, отказаться от мирской суеты и воспарить над ней, возносясь своим духом к небесам.

Тема № 6. Любовь и «страсти роковые».

Многие произведения поэта посвящены женщинам: своим дамам сердца или просто образу русской женщины. Для Тютчева характерно осмысление любви как трагедии, как фатального рока, ведущей любящего человека к опустошению и гибели. Этот аспект творчества лирика подробно исследован во множестве статей и монографий литературоведов, поэтому мы не будем рассматривать его подробно в данном эссе из-за ограниченности его объёма.

Тема № 7. Россия и Запад. Славянофильство Тютчева и любовь к Родине.

Поэт разделял точку зрения славянофилов и полагал, что Россия призвана не только внутренне, духовно обновить, но и объединить всё человечество. Он не писал, что любит Россию, – он верил в неё. Одно время поэт даже мечтал, что Россия станет всемирной монархией и объединит в себе земли от Ближнего Востока до Индии. Ключом к пониманию взглядов Тютчева на славянство, а также на взаимоотношения России и Запада является стихотворение «Славянам». В нем, обращаясь к славянским народам, он говорит, что «давно на почве европейской, где ложь так пышно разрослась» «славянское самосознание, как божья кара, их страшит». И далее: «но всё же мы народ единый, единой матери сыны; но всё же братья мы родные!». Ещё одно творение поэта – «Небесный царь, благослови...» – содержит призыв поэта к объединению всех славян. Это звучит крайне актуально и в наше время, в 2023 году!

Перу Тютчева принадлежат публицистические и историософские произведения, а также письма, в которых рассматривается широкий круг вопросов: противоречивое существование России и Запада, своеобразие российской истории и культуры, становление национального самосознания. В этих произведениях Тютчеву свойственно стремление заглянуть «за край» культурного, идеологического, экономического пространства и времени и проникнуть в самые заповедные тайники исторического процесса. И основой его видения, его интерпретации этого процесса являются две главные

концепции: во-первых, понимание божественного происхождения монархической власти, во-вторых, ясное осознание антихристианской сущности революции как восстания человеческого Я против воли Бога. Поэт подверг критике фатальный процесс дехристианизации личности и общества в Европе и с тревогой наблюдал за революционными волнениями, происходившими по всему континенту в середине XIX века.

Тема № 8. Христианство Тютчева.

По Тютчеву без веры в Бога невозможно гармоничное развитие и жизнь личности, общества и государства, потому что в ней удовлетворяется глубинная потребность человека в обретении смысла жизни. Посредством веры утверждаются также высшие формы бытия: личность обретает человеческое, т.е. духовные и нравственные ценности. Забывая Бога и отрываясь от своих мистических корней («сверхестественного» по терминологии поэта), человек утрачивает высшую нравственную норму бытия, истинную свободу и способность различать добро и зло и становится «бешеным», теряя разумное оправдание жизни. Поэт в резко альтернативной форме (или-или) ставит самый важный для него вопрос: апостольско-паскалевская вера в Бога или всеобщее отрицание смысла жизни человека. И это сближает Тютчева в этом вопросе с Ф. М. Достоевским. Если нет Бога и высшего смысла, то его место занимает эгоизм, нигизм и смерть – человек предаёт самое себя. Более того, без связи человека с Богом историческое развитие деградирует из-за ослабленности христианского фундамента в человеке и обществе, а также господства материально-эгоистического начала над духовно-нравственным. Речь идёт о противопоставлении двух сценариев жизни человека и общества: или антропоцентрическое своеволие или Богопослушание. Тютчев был убеждён, что между эгоистической самовластной волей человека и законом Христа невозможна никакая сделка.

Обратимся к рассмотрению переводов Тютчева произведений Шиллера. Среди них важным является перевод стихотворения Шиллера «С озера веет прохладой и негой ...» из вступления к его драме Вильгельм Телль. Выбор Тютчевым этого произведения объясняется близостью его собственной поэзии по образно-тематическим мотивам. Приведём оригинал текста:

Es lächelt der See, er ladet zum Bade,	Wie Flöten so süß,
Der Knabe schlief ein am grünen Gestade	Wie Stimmen der Engel
Da hört er ein Klingen,	im Paradies.

Перевод Фёдора Тютчева:

С озера веет прохлада и нега, –	Он слышит во сне;
Мальчик заснул, убаюкан у берега.	То ангелов лики
Блаженные звуки	Поют в вышине.

В стихотворении обыгрывается ситуация сна, выявляющая сложные взаимоотношения человека с миром. Кроме того, человек здесь вступает в контакт с водной стихией, которая чревата для него таинственной угрозой. Эти мотивы относятся к числу самых устойчивых в поэзии Тютчева. У Шиллера причастность к природному миру служит неотъемлимой составляющей характеристики положительных героев, т.е. Телль не просто органически близок к природе, а занимает по отношению к ней активную позицию. Такой взгляд на взаимоотношения человека с миром был характерен для эпохи просветительства. В то время как шиллеровский персонаж показан главным образом в перспективе исторического действия, Тютчев переводит его содержание в общефилософский план, вообще безусловно доминирующий в его оригинальной поэзии. Это переведённое Тютчевым произведение Шиллера напоминает его стихотворение «Сон на море», где также соприкасаются области сна и яви.

В своём переводе Тютчев отходит от романтической схемы двоемирия и строит более сложную онтологическую систему, стержнем которой является человеческое сознание. Для этого он вносит в перевод важное изменение, устранив все «дневные» визуальные признаки: «С озера веет прохлада и нега, мальчик заснул, убаюкан у берега». Он исключает из описания сна реалистически-конкретные сравнения оригинала («как флейты») и делает изображение сугубо условным («блаженные звуки», «ангелов лики поют в вышине»). Благодаря этому сфера «райского сна» рисуется как чистая область идеала и откровенная антитеза объективной реальности. Сюжет стихотворения оказывается, таким образом, вынесен из обманной сферы «дня», заслоняющей суть мироустройства, и разыгрывается в онтологическом пространстве «ночи». В переводе Тютчева складывается совсем другая ситуация, противоположная оригиналу: если у Шиллера сон – это один из феноменов мира, то у русского лирика мир может реализоваться только в процессе сна или бодрствования, каковым является человеческое сознание. Таким образом, перевод стихотворения Шиллера был использован Тютчевым для выражения его собственной мировоззренческой модели, не совпадающей с позицией автора оригинала. Русский поэт трактует сон как откровенную антитезу реальности, что ещё раз доказывает его интерес к гносеологической проблеме — методам познания человеком окружающего мира. А последняя, как мы видели выше, была кардинально переосмыслена Тютчевым в духе новых представлений о мире и месте человека в нём.

Поэтическая мысль Тютчева движется «мощным духом» и обладает широчайшим восприятием мира. Его шедевры поднимаются к пикам духовных пирамид, масштаб его творчества космичен: человек, его

предназначение, природа, Вселенная, Творец, весь мир. Философско-психологические открытия глубин вселенской жизни и противоречивых движений человеческой души, глубокий лирический самоанализ, романтическая одухотворенность, осмысление судеб человека и человечества, расшифровка тайн природы и человека, необыкновенность видения, словно магического, будто сразу вскрывались какие-то запредельные поля, и делают поэзию Тютчева нетленной и вечной.

Горелая Ольга Николаевна

Покровы земные в лирике Ф.И. Тютчева

Лирика Ф.И. Тютчева неисчерпаема по своей тематике, более того, погружение в любую из затронутых поэтом тем открывает совершенно неожиданные смыслы. Касается это и темы природных покровов. В 2007 г. на Почвоведческих чтениях кандидат географических, доктор сельскохозяйственных наук Г.Т. Воробьёв в своём докладе «Почвенный покров как основа становления и развития жизни» обратил внимание слушателей на дополнительную смысловую нагрузку слова «покров» — «защитное покрывало». И углубил этот смысл рассмотрением однокоренного слова — «сокровенность», напоминая, что «на божеском законе и основывалось почвенничество как явление русской духовной культуры, у истоков которой стоял Ф.М. Достоевский с его призывами к любви и состраданию. Это та почва, на которой “хлеб и деревья растут”, писал он, на которой “родится и всходит нация”. Речь о сокровенной духовной составляющей почвенного покрова...»¹ Конечно, в докладе, в котором и Тютчев цитировался неоднократно, речь шла именно о почвенном покрове, о его роли в становлении и жизни человечества. Значения покрова у философа и лирика Тютчева значительно шире. Однако «сокровенная духовная составляющая» есть в каждом.

Казалось бы, почва, вода, что ещё? Но у Фёдора Ивановича покровами земными становятся и времена года, и время суток — день и ночь, и различные формы существования воды и земли-почвы: снег и лёд, туман, пыль... Так как в небольшой статье охватить всё не получится, в качестве базы для исследования выбрана только основная часть тютчевской лирики без многочисленных вариантов написания стихотворений и без переводов произведений, написанных автором на французском языке. Кроме того, исключены и сделанные им переводы — из Гейне, Гёте, Шиллера и др.

В результате анализа стихотворений были выделены основные пять блоков покровов:

- земля, в том числе пыль, прах;
- вода — море, река, ручей;
- небо;
- времена года;
- время суток.

¹ Под покровом дня («Почвенный покров как основа становления и развития жизни») // Нестик А.Т. На русской почве: очерки о Почвоведческих научных чтениях в Брянске, 1999–2016 годы. Брянск, 2017. С. 162.

В статье сделана попытка найти положительные и отрицательные образы, связанные с этими блоками, выделить постоянные смыслы и проследить их развитие. Сочетания указанных покровов-явлений, их взаимопроникновение, дающее зачастую совершенно новые смыслы, рассматриваются внутри блоков «Земля», «Вода», «Небо» и т. д., так как развести их с основными значениями не представляется возможным.

Если говорить в целом, то земные покровы у поэта — это и защита, и кров, и обещание безопасности. Но есть — и они не редки — и отрицательные значения. Так, земля в прямом смысле — тяжёлая, тёмная, в ней не прячут, а схоранивают, хоронят. Например, в стихотворении «14 декабря 1825»: «И ваша память для потомства, / Как труп в земле, схоронена», в стихотворении «Есть и в моём страдальческом застое...» такие же по смыслу строки: «Минувшее не веет лёгкой тенью, / А под землёй, как труп, лежит оно»². Неподвижность, придавленность, безысходность... Очень чётко чувствуется противопоставление сырой, холодной, пугающей земли и живого, тёплого, радостного покрова — травы — в стихотворении «Весеннее успокоение»:

О, не кладите меня
В землю сырую:
Сройте, заройте меня
В траву густую!..

Удивительно наслаиваются в этом небольшом по объёму произведении покровы: тяжёлая земля, выше — трава, легкая, отзывающаяся на «дыхание ветерка», ещё выше — обозначенное совсем уже невесомыми облаками небо. И к концовке, действительно, всё спокойно: душа не в земле, она в живом и светлом мире слушает далёкое пение свирели. В начале статьи было оговорено, что переводы для анализа не берутся, но все же для этого стихотворения сделано исключение, так как оно очень наглядно, да и перевод Тютчева — фактически оригинальное произведение.

При всей тяжести земли, а такое ощущение у поэта прослеживается в разных стихотворениях, есть поворот темы, который несколько меняет, смягчает её восприятие. Это взаимодействие, взаимопроникновение покровов:

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой, —
Они им чуют-слышат воды
И в тёмной глубине земной...

С появлением живительной стихии — воды — и земля оживает, у неё появляется голос. Конечно, здесь, как и всегда у Тютчева, через природные

² Стихотворения цитируются по изданию: Тютчев Ф.И. В 6-ти томах. М.: Издательский Центр «Классика». Т. 1. 2002. 528 с. Т. 2. 2003. 640 с.

явления передано понимание человека, его роли, поэтому нельзя не отметить, что это уже поздняя лирика, стихотворение датируется 1861 г. и посвящено другу Тютчева — А.А. Фету. Обратите внимание, насколько сильна вера поэта в возможности человека, способного узнать, почувствовать живое даже сквозь тёмные глубины.

Разновидностью земли как покрова является пыль, имеющая в стихотворениях тоже отрицательное значение — забытости, ненужности, даже покорности, рабства. Яркий пример — стихотворение «К оде Пушкина на вольность»:

Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.

Другое стихотворение — «Проблеск»:

Ты скажешь: Ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

Конечно, нельзя сказать, что пыль — земной покров в полном смысле, но такое смысловое применение разновидности почвенного покрова только доказывает, что земля-почва у Тютчева связана с безысходностью, умиранием. Единственное, что отличает пыль от земли-почвы — лёгкость, она может исчезнуть. Отметим ещё один нюанс — в стихотворении намечается противопоставление двух покровов — земного и небесного, пока что в форме грусти, но сразу видно, как далеки друг от друга Земля и Небо.

Отрицательное значение и у такого проявления земного покрова, как прах. «На мне, я чую, тяготеет / Вчерашний зной, вчерашний прах!..» Конечно, в данном случае речь не идёт о прямом значении слова, тяготеет прошлое, оно тянет назад, не даёт принять новое, светлое. Отжившее не принимает молодое. Интересный момент: тот, кто стонет, что над ним тяготеет прах, стремится к ночи, спрятаться под её покровом, тихим и сумрачным, спасающим от необходимости жить в новом дне, пламенном и шумном. Прах боится блеска, ему лучше в темноте. Ироничное стихотворение, написанное молодым человеком (датируется 1830-ми гг.), к последней строфе становится уже размышлением философа, сочувствующего людям, глубоко понимающего их.

Не изменилось фактически значение понятия *прах* и в зрелой лирике. Знаменитое стихотворение «Денисьевского цикла» «О, этот юг, о, эта Ницца...». Здесь нет уже и тени иронии, разбита жизнь самого поэта, она похожа теперь на подстреленную птицу:

Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья —
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

Разбитая жизнь прижимается к праху, едва ли не растворяется в нём. А блеск тревожит, не даёт укрыться в темноте, которая, как мы знаем, предпочтительна для праха, да и для того, кто пытается спрятаться, найти для себя в нём упокоение. В четвёртой строке поэт говорит, что жизнь «подняться хочет, но не может». Но в самом слове «прижавшись» уже не чувствуется желания оторваться, скорее, наоборот — желание уйти от необходимости снова жить, уйти от раздражающе ярких красок. В этом стихотворении в южном блеске нет жизни, бурления молодости, силы. Он похож на декорацию, мишуру. Отсюда боль и бессилие — искусственному блеску измученная душа ничего не может противопоставить, по сравнению с ним и прах лучше, он становится укрытием.

Второй большой блок — вода. Живая, подвижная, непокорная стихия восхищает поэта. И сразу совсем другие эпитеты: «С горы бежит поток *проворный*» (чем-то напоминающий мальчишку-шалуна) — «Весенняя гроза», «По равнине вод лазурной / Шли мы верною стезёй — / Огнедышащий и бурный / Уносил нас змей морской...». И определения (часть из них выражена причастиями, как будто ускоряющими действие), и сказуемые создают ощущение постоянного движения, красивого, лёгкого: «И с камней, блещущих на зное, / В родную глубь спешат ручьи» («Снежные горы»).

И снова возникает тема взаимопроникновения покровов, и снова оживающая земля — родная, тёплая, говорящая. Мать-земля. И мы выходим ещё на одно значение, которое ярче всего проявилось в стихотворении «Нет, моего к тебе пристрастья...»:

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Мать-Земля — это весь цветущий, удивительный мир. Но вернёмся к воде. Да, эта стихия прекрасна:

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

И покров её влечет своей прелестью. Сравните, схоронено в земле — забыто, мёртво, темно — и схоронено в море:

...Нет, в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

.....

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Душа под прелестью и обаянием волн остается живой. Однако появляется стихотворение «23 ноября 1865 г.» (день рождения поэта), а в нём Ф.И. Тютчев сближает значения почвенного и водного покровов:

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронён на дне морском.

То есть даже оставаясь живым — мыслящим, чувствующим, можно понимать безысходность, безвозвратность мёртвого — теперь уже под покровом воды. Стоит учесть, что стихотворение написано в сложный для Ф. И. Тютчева период — примерно через год после смерти Е.А. Денисьевой.

И всё же в целом образ воды как покрова земного положителен:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьёт о берег свой.

Объемлет — обнимает, защищает, волны звучные — при описании моря, океана поэт использует слова с положительными коннотациями. С океаном у поэта прочно связано понятие жизни, сегодняшнего дня. Например, стихотворение «Весна»:

И страх кончины неизбежной
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Вершина прославления поэтом водного покрова — стихотворение «Последний катаклизм»:

Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

Здесь полное единение Творца и его творения. А ещё становится понятно, что для Тютчева вода — это изначальный источник жизни. С чего она началась, тем и завершится. И никак нельзя назвать такой конец трагичным, раз в водах изображается лик Божий.

Однако у воды много проявлений. Есть и туман, и снег, и лёд, и роса.

Роса подразумевает свежесть, нежность, прозрачность и красоту. Очень ярко все эти значения проявились в стихотворении «Я знал её ещё тогда...». В этом произведении роса участвует в создании женского образа, помогает передать прелесть героини:

И всё ещё была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Такой покров представляется настоящим чудом, появляющимся как по волшебству. С той же целью образ росы используется в стихотворении «Чему бы жизнь нас ни учила...»:

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

Роса — животворящий покров, он даёт жизнь, спасает от увядания, как и другие водные покровы в лирике Ф.И. Тютчева.

Туман — явление красивое, он не ассоциируется у Тютчева ни с холодом, ни с забвением, ни с умиранием. Туман — явление волшебное и таинственное, связанное с игрой воображения, снами, как, например, в стихотворении «Утро в горах»:

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

И всю природу, как туман,

Дремота жаркая объемлет —
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф спокойно дремлет.

Во втором четверостишии не природное явление в чистом виде, сравнение с туманом, но если вспомнить, как выглядит жаркое полуденное марево, когда воздух дрожит, а все предметы будто покрываются дымкой, то становится понятно, насколько зримо это сравнение передаёт образ полуденной жары. И жаркая дремота — тоже покров, причём для всей природы, всего великолепно-спокойного мира.

Есть и иная трактовка этого красивого явления — тёмная завеса, плотная, не пропускающая свет.

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Конечно, здесь туман уже не природное явление, точная тютчевская метафора позволяет политический, философский смысл стихотворения оттенить, сделать выразительнее, объёмнее.

Снег у Тютчева — явление очень разноплановое. Он и холоден, и красив, блестящ. Снег околдовывает, завораживает своим блеском, но он способен и похоронить под собой, усыпить душу. Однако снег — проявление, разновидность водного покрова, он не убивает. Жизнь под снегом продолжается:

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

Ту же роль играют снега и метели в стихотворении «Листья», раннем, 1830 года:

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят...

Да, конечно, покров, но совсем другой. Он лишен здесь самостоятельности, снега и метели используются как тёплое зимнее одеяло. Придёт время, и его просто снимут, поменяют на более лёгкий покров. Впрочем, в этом стихотворении всё легко меняется, ведь главные герои —

листья — бунтари, им надо быстро и красиво появиться и так же исчезнуть. До новой весны...

И здесь же нельзя упустить лёд как крайнее проявление твёрдого водного покрова. Стихотворение «Поток сгустился и тускнеет...»:

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твёрдым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она всё льётся — и, журча,
Молчанье мёртвое тревожит.

Как бы ни был силён лёд со своим мёртвым холодом, он не в состоянии победить жизнь (обратите внимание, противопоставляются ему воды, проявление той же стихии, что и он сам). И ещё один штрих, который наводит на размышления: покров и сам живой, он способен тревожиться, его покой нарушает журчание ручья. В этом лёд, как и снег, схож со сном, что мы ниже и постараемся показать.

Но если непосредственно с природным явлением всё понятно и бесспорно, то несколько иная картина рисуется, когда снег становится сравнением, а спит под ним душа поэта, как, например, в стихотворении «Графине Е.П. Ростопчиной»:

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!

Снег здесь тяжёлый, его много, он снова неподвижен. Но и метафорическая зима очаровывает, околдовывает — не губит. Снежный покров пропускает звуки, из-под него можно выйти. И даже если снег-лень — тяжкие оковы, а осьмимесячная зима кажется бесконечной, всё равно они не властны над зовом весны — над знакомым голосом, который уводит в совсем иной мир, где нет уже места холоду. Вернёмся немного назад. В стихотворении «Весеннее успокоение» светлый живой мир сопровождала музыка, как будто соединяя покровы. Здесь же роль музыки, живого голоса — вызвать, освободить. За ней, по ней душа выходит из-под покрова снежного тяжёлого сна. Музыка в какой-то мере играет роль вертикали, на которой держатся слои нашего мира.

И ещё одно сравнение сна души со снежными покровами:

Блестят и тают глыбы снега,

Блестит лазурь, играет кровь...

Или весенняя то нега?..

Или то женская любовь?..

У Тютчева часто встречается образ тающего, уже не застывшего, как бы подвижного снега. Это снова нередко связано с взаимопроникновением стихий, более того, мы вплотную приближаемся к появлению еще одного явления-покрова — временам года, их смене. Стихотворение «Весенние воды»:

Ещё в полях белеет снег,

А воды уж весной шумят —

Бегут и будят сонный брег,

Бегут, и блещут, и гласят...

И перед нами предстаёт мир, погружённый в Весну:

Люблю смотреть, когда созданье

Как бы погружено в весне,

И мир заснул в благоуханье

И улыбается во сне!..

А один из самых частых земных покровов — время суток, день и, в первую очередь, ночь. Она тяжелая, густая, давящая, пугающая:

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,

Беспамятство, как Атлас, давит душу

В пророческих тревожат Боги снах!

Ночь связана с Хаосом, бесформенным, беспорядочным:

На мир дневной спустилася завеса,

Изнемогло движение, труд уснул...

Над спящим градом, как в вершинах леса,

Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..

Иль смертных дум, освобождённых сном,

Мир бестелесный, слышный, но незримый,

Теперь роится в Хаосе ночном?..

Обратите внимание на интересную деталь: снова сон выступает в роли освободителя дум, души, как и в стихотворении «Графине Е.П. Ростопчиной»:

Но этот сон полумогильный,

Как надо мной ни тяготел,

Он сам же, чародей всесильный,

Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил...

Здесь сон невероятно близок к понятию покрова. Эта разновидность иногда тяжёлая, но живая, обладающая волей, возможно, наделённая собственным разумом... И чем-то близкая снегу, под которым тоже всё живёт своей, непривычной открытому миру, жизнью.

Но вернёмся к ночи, которая связана не только с тёмными силами. Она дарит желанный покой, она добра, нежна, красива, как в стихотворении «Как птичка, раннею зарёй...»:

О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный,
Объятый негой ночи голубой...

Положительный образ ночи дарит нам и стихотворение «Святые горы»:

Тихо, мягко, над Украиной
Обаятельною тайной
Ночь июльская лежит...

Такая ночь — это «сладкий час успокоенья».

И всё же чаще ночь как покров противопоставляется покрову дневному. В стихотворении «День и ночь» день характеризуется так: «Покров наброшен златотканый», «блистательный покров», «Друг человеков и богов». Но этот покров срывает ночь:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами...

Здесь ночь даже не является покровом, наоборот, она срывает драгоценное покрывало с земли, лишает мир защиты. То же самое в стихотворении «Святая ночь на небосклон взошла». День — золотой покров над бездной, ночь свернула его —

И человек, как сирота бездомный
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью тёмной.

В.С. Соловьёв пишет об этом так: «Наш поэт одинаково чуток к обеим сторонам действительности; он никогда не забывает, что весь этот светлый, дневной облик живой природы, который он так умеет чувствовать и

изображать, есть пока лишь “златотканый покров”, расцвеченная и позолоченная вершина, а не основа мироздания...»³

Очень интересное преломление образа ночи-покрова в стихотворении «Я очи знал, — о, эти очи!..»:

Я очи знал, — о, эти очи!..
Как я любил их, — знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Снова ночь обнажает жизнь... Можно даже сказать, что это крайнее проявление ночи-покрова, пик: с одной стороны — цвет глаз, характеристика взгляда любимой женщины, способ создания образа возлюбленной, с другой — покров души, жизни, мира. Сплетение образов-понятий...

Но ночь уйдёт, её сменит дневной покров:

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

И это позволяет говорить о том, что лирика Тютчева в целом — жизнеутверждающая. Побеждают в ней День, Весна, Красота.

Удивительный покров, совершенно не схожий с рассмотренными проявлениями, — небо. Стихотворение «Летний вечер»:

Уж звёзды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Тяжесть небесного свода в данном случае связана с ночью, её тайной. Совершенно другое небо — высокое, яркое, живое и подвижное — рисуется всего одной строкой в стихотворении «В небе тают облака...». Остальные строки первого четверостишия только подчеркивают солнечную синеву, дарящую реке искры, делающую её стальным зеркалом.

Если вспомнить, что начинали мы с рассмотрения земли как покрова, то интересным представляется противопоставление её, принимающей в себя

³ Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева / В.С. Соловьёв // Ф.И. Тютчев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2005. С. 193.

мёртвое, скрывающей тление, прячущей его от людей, и неба, далёкого от земных законов:

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилось вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...
.....
А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землёй...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

Это одно из ранних стихотворений, датируется оно 1830-ми гг., что ещё раз доказывает неслучайность темы природных покровов у Ф. И. Тютчева — проследить разные её вариации можно буквально с первых до последних его произведений. В процитированном стихотворении возникает ещё одно ответвление темы — тема стержня, оси, соединяющей покровы. Это снова звук (как ранее были воды, ручьи, звуки музыки и живого человеческого голоса), здесь — голосистое пение птиц. Создания земли, они принадлежат небу, а их полет соединяет землю и небо, так что невольно задумываешься: противопоставление стихий — да, есть, но есть и их единство. И единство это — сама жизнь.

В 1830-м г. поэтом было создано ещё одно очень интересное для нас стихотворение — «Через ливонские я проезжал поля...». В нём не противопоставление, а сближение, можно сказать, полное практически взаимопроникновение покровов:

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная Земля —
Всё на душу раздумье наводило...

Здесь у небес свой грунт, что уже замыкает как бы их на земле, песчаная Земля наводит на мысли о пустыне, о бесплодности. Впрочем, в небесном грунте тоже вряд ли что-то сумеет вырасти, он тоже бесплоден и бесплотен. Местоимение «всё» в последней строке четверостишия замыкает этот печальный круг бесцветности и уныния. Однако, как мы видели и ранее, взаимопроникновение покровов чаще всё же связано с красотой и жизнью во всех её проявлениях.

Например, чудную картину в стихотворении 1846 г. создаёт слияние трёх покровов:

Тихой ночью, поздним летом,

Как на небе звёзды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...

Тепло, мягкий свет... Обволакивает бархатная августовская ночь, соединяя время года и время суток в неразделимое целое, обеспечивая красоту открытого бесконечности, всей Вселенной звёздного неба.

Данную тему можно продолжить и развить, но даже на данных примерах ясно видно, что мир земной в лирике Ф.И. Тютчева — живой, цельный, обладающий разумом и волей. Человек не противопоставляется природе, он — её естественная часть, поэтому и душе его находится место под любым покровом, выбор же зависит от состояния самой души.

Не то, что мните вы Природа,
Не слепок, не бездушный лик...

